

В обесчисленных днях мирозданья
Два осколка минувших миров —
Как мучительно наше блужданье
С темной памятью всех катастроф.

В древних рваных сетях тяготенья
Не чужое ли солнце горит?
Как мучительно наше сближенье —
Пароксизм эксцентричных орбит.

И какую теперь еще чашу
Снова мимо нас не пронесет?!
Как мучительна двойственность наша —
В звездном пламени каменный лед...

Не судом отец мой матерился,
Как с похмелья ныла голова.
От того, наверно, я влюбился
В русские высокие слова.

Горькое мое противоречье
И судьбе, и злобе, и вину...
Захватила плавность тихой речи —
Потайную тронула струну.

Только скуп на радостные были
В этой жизни всякий перевал;
Не отцу — ограде на могиле
Я вчера стихи свои читал.

* * *

Не по умыслу тайному вовсе,
Наущеньем ничьим не ведом,
С головой я на выдохе в осень
Провалюсь — вспоминайте потом!

Вспоминайте...
А тут... Ох, как сладок
Телу острого ветра ледок!
Только жаль, остается осадок,
Будто на сердце легший листок.

Остается осадок изгнанья
Красок, брызжущих жизнью, тепла...
Впрочем, есть утешенье —
В тумане
Крепче пахнет у сосен смола.

* * *

На тьме набросать небрежно
Неброский чужой анфас
С морщинками лба,
с надеждой,
Что это в последний раз,
Что больше не потревожу
Вторжением из бытия...
Как ты на нее похожа,
Любовь моя,
жизнь моя...

* * *

Ты только не мысли конечно-отпетым,
И через все разом хватившим края,
Я буду твоим сумасбродным поэтом,
Чудная Россия моя.

Я буду размазывать слезы ли, грязь ли
По буйно небритым и впалым щекам,
Бродя по твоим, по настоящим на зле,
Причисленных к лику чумных временам.

Что делать! — и в этом больном твоём свете
Дрожат, как созвездья на тихой воде,
Стихи, что повесятся завтра в клозете
На первом попавшемся ржавом гвозде.

* * *

Что с тобою, угрюмый мыслитель,
Аль повздорил со славой в пути?
Как она улыбалась в зените
Одичавших твоих тридцати!

Что сберег от бывалых величий,
Где безумства рассеял свои?
Знать, не вхож твой высокий обычай
Под беззвездное небо семьи...

* * *

Поменялся
Ветер на северный;
В этом гиблом краю — метель.
Угодивший зиме в расселину,
Потяну еще
Канитель.

Подожду;
Чем-нибудь да кончится —
Есть предел
 февралю и мне...
Обессудится, обессрочится,
Обесценится
Ночь в окне.

Лишь бы только
Не бред медвежьего,
Полуобжитого угла! —
В эти волны, бездонно-снежные,
Атлантидою жизнь ушла...

* * *

Карандаш отточен. Я отторгнут
От того, чье имя — суета.
Мир обратно в точку туго свернут
За секущей плоскостью листа.

И опять вне времени и срока,
Приликая звездами к лицу,
Бормоча навязчивые хокку,
Ночь идет к нелепому концу.

Не сморгнуть бы! — разве это плата...
Насладиться зрелищем сполна:
Мир не в точку, в грубый свиток скатан —
И оттуда светят письма!

* * *

На горях забытых расколов —
Клубы обезумевшей тьмы...
И больше не надо глаголов
В застывшем пейзаже зимы.

Речь скомкана. В старых границах
Пожара души не сдержать.
На досках суровые лица
На миг отвернутся... Как знать?

Быть может, и в эту эпоху,
Когда Аввакум не в чести,
Не вымолю больше ни вдоха,
Но в небо уйду — во плоти!

* * *

У времени на тонком острие,
раскачиваясь вспыхнувшей сверхновой,
земная жизнь уходит в бытие —
гораздо невозможнее земного;
непредсказуемей,
неведомей,
сложней,
но — цельнее,
без теней и фрагментов —
небрежными ударами кистей,
наложенных случайных элементов —
на полотне, текущем среди звезд,
набросанных неведомым эстетом,
который, может быть,
и сам тут гость,
за давностью
забывший и об этом.

* * *

Гранящих стих пустой и плоский
чуть не посредством тесака —
их развелось, певцов березки
с болотной славой кулика!

.....

Когда мне скажут, что лукавлю,
Что лжив, изломан каждый жест,
Я на своих стихах поставлю,
Как на преступном прошлом, крест.

И коль слова мои пустые
Не стоят в праздник пятака,
Шагну в туман, уйду в Россию —
Поди, куда как велика...